

КУЛЬТУРА И ЭКОНОМИКА: ВЗАИМОВЛИЯНИЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЦИФРОВИЗАЦИИ

Фаркова Н.А.

Современные исследования всё чаще показывают, что культура и экономика не существуют изолированно, а образуют сложную систему взаимных влияний. Если традиционно экономисты рассматривали культуру как «надстройку» (по Марксу), то сегодня её роль переосмысливается: от фактора, объясняющего «остаточные» различия в развитии стран, до ключевого ресурса для инноваций и устойчивого роста. В статье анализируются основные теоретические подходы к изучению взаимосвязи культуры и экономики.

doi: 10.20537/mce2025econ12

Почти четверть века ученые изучают вопрос влияния культуры на экономику. Занимаются этой проблемой помимо экономистов социологи, культурологи, этнологи — на сегодняшний день сформировались различные методы решения данного вопроса.

Долгое время экономическая наука опиралась на модель «человека рационального» (*homo economicus*), предполагающую рациональное поведение индивидов — парадигма, представленная Джоном Стюартом Миллем. Культурные различия считались второстепенными, что критиковали такие учёные, как Амартия Сен и Петер Козловски. Сен, к примеру, подчёркивал [1], что культура — не «фатальная предопределённость», а динамичный фактор, влияющий на:

- этику труда (например, протестантская трудовая этика по Веберу);
- уровень доверия в обществе (исследования Алгана и Каю);
- готовность к риску (индекс избегания неопределённости Хофстеде).

В экономике под культурой мы понимаем ценности и поведенческие установки больших групп людей, которые медленно меняются во времени. С 90-х годов прошлого века происходит «культурный поворот», когда экономисты начинают активно использовать методы социологии и антропологии. Рональд Инглхарт [2] в рамках World Values

Survey выявил корреляцию между ценностями «самовыражения» (секулярность, толерантность) и экономическим успехом. «Все работы по культуре и экономике сталкиваются с проблемой, что причинно-следственная связь, скорее всего, действует в обе стороны — от культуры к экономике и от экономики к культуре» [3].

В условиях глобализации и цифровизации межкультурная коммуникация становится ключевым фактором социально-экономического и политического взаимодействия. Современный мир характеризуется усилением взаимозависимости между странами, культурами и экономиками. Однако на фоне интеграционных процессов наблюдается и обратная тенденция — рост культурного и политического партикуляризма [4]. В этом контексте возникает вопрос: возможно ли достижение устойчивого коммуникативного равновесия без утраты идентичности? Михаил Бахтин [5] и Юрген Хабермас [6] подчеркивали, что полноценная коммуникация возможна только в диалоге, где участники признают право другого на собственную позицию. В международных отношениях это проявляется в концепции "мягкой силы" (концепция Дж. Ная) [7], где влияние достигается не через принуждение, а через взаимное уважение интересов. Полагаю, что достижение равновесного состояния в глобальном масштабе возможно только при условии сохранения индивидуальности акторов (индивидов, групп, государств) и учета интересов других сторон. Это утверждение отражает диалектику глобального и локального, где баланс между сохранением индивидуальности и адаптацией к интересам других становится условием эффективной коммуникации.

Говоря о теоретических основах межкультурной коммуникации, отмечают прежде всего работы Гирта Хофстеде [8]. Он ввел концепцию культурных измерений (индивидуализм/коллективизм, дистанция власти и др.), показав, что различия в ценностях влияют на коммуникацию. Такой подход позволяет сравнивать национальные экономические модели. Сохранение культурной идентичности в межкультурном взаимодействии требует осознания различий в ценностях, но не обязательно их нивелирования. Затем Эдвард Холл [9] разделил культуры на высоко- и низкоконтекстные, подчеркивая, что эффективная коммуникация возможна только при понимании скрытых культурных кодов. Позже, Энтони Гидденс [10] рассматривал глобализацию как процесс, в котором локальные культуры не исчезают, но трансформируются, создавая гибридные формы. Ульф Ханнерц [11] развил эту идею, говоря о «культур-

ной креолизации», где взаимодействие не приводит к унификации, а порождает новые синтетические идентичности. Таким образом, сохранение индивидуальности в глобальном мире не противоречит интеграции, но требует гибкости. Примером тому успех сингапурской системы образования. По результатам теста PISA, который оценивает грамотность школьников и умение использовать полученные знания на практике, по всем трем направлениям — чтение, математика, естественные науки — школьники Сингапура в 2023 г. признаны лучшими (тестирование проводится раз в три года). В школах Сингапура следуя традициям, делается акцент на конфуцианские ценности, прежде всего уважение к учителю. При этом гибко применяются западные методы (критическое мышление, STEM-образование).

Один из самых дискуссионных в современной науке вопросов связан с влиянием цифровизации на национальные традиции и идентичность. С позиции пессимиста наблюдается «цифровой колониализм»: доминирование англоязычного контента формирует культурные шаблоны, глобальные сети вытесняют локальные платформы; 70% мирового стримингового трафика (согласно статистическим данным 2023 г.) приходится на американские сериалы. Еще в 1976 году Герберт Шиллер в работе «Культурный империализм» [12] писал о навязывании ценностей через медиа. Согласно данным UNESCO каждые две недели исчезает 1 язык, до 40% языков мира под угрозой исчезновения. Даже в странах с сильной языковой традицией (например, скандинавские страны) молодежь переходит на «цифровой английский».

С другой стороны, с позиции оптимиста, цифровые платформы можно рассматривать как инструмент сохранения культуры: проводится оцифровка фольклора, например, Библиотека Конгресса США архивирует исчезающие языки. Франция в рамках программы «France 2030» тратит 2 млрд евро в год на оцифровку культурного наследия. Возникают новые формы культурного самовыражения. Занимая нейтральную позицию, можно видеть, что традиции не исчезают, но трансформируются в соответствии с цифровой эпохой. Необходимо сохранять технологический суверенитет: известно, что страны с локальными платформами (Китай, Россия) контролируют культурный контент лучше других; проводить грамотную государственную политику (к примеру, в Эстонии цифровизация сочетается с обязательным обучением народным танцам в школах). Цифровизация угрожает традициям в случаях, когда происходит пассивное потребление глобального контента без критического

осмысления и когда нет институциональной поддержки локальной культуры. Одновременно цифровизация укрепляет идентичность, если её используют как инструмент креативного переосмысления традиций, а также если она сочетается с образовательными программами. Социолог Мануэль Кастельс отмечал, что «сетевые общества не уничтожают национальные культуры, но включают их в новую систему кодов».

При исследовании влияния цифровизации на культуру для количественной оценки можно использовать коэффициент трансформации традиций, определяя его через индекс цифровизации культуры или долю определенного контента в национальном цифровом пространстве. Не углубляясь на данном этапе в количественный анализ, приведем прогнозы влияния цифровизации для различных групп стран в виде таблицы.

Таблица 1. Прогнозы влияния цифровизации для различных групп стран.

Тип страны	Риски	Возможности
Развитые (ЕС, США)	Утрата локального разнообразия	Экспорт цифровых культурных стандартов (Netflix, Spotify)
Развивающиеся (Индия, Бразилия)	Цифровое неравенство приведет к маргинализации традиций	Глобальный спрос на «экзотику» (пример: африканские NFT-художники)
Авторитарные (Китай, Иран)	Жёсткий контроль приведет к стагнации креатива	Создание альтернативных цифровых экосистем (WeChat, Sheypoor)

Таким образом, можно сказать, что цифровизация не уничтожает культуру, но переформатирует её экономическую ценность. Страны, которые смогут сохранить аутентичность через цифровые инструменты и интегрировать традиции в глобальные платформы, получают преимущество в экономическом развитии. Ключевой проблемой остается конфликт между коммодификацией культурных ценностей и сохранением их аутентичности, что требует институциональных решений.

Сэмюэль Хантингтон [3] предупреждал о рисках «столкновения цивилизаций», но другие исследования, среди которых, например, работы Аппадурай [13] показывают, что конфликты возникают не из-за различий, а из-за нежелания их учитывать. Долгое время примером успешного баланса служил Европейский Союз, где страны, сохраняя культурный суверенитет, координировали экономическую и политическую стратегии.

Можно сказать, что межкультурная коммуникация в XXI веке — это не выбор между ассимиляцией и изоляцией, а постоянный поиск динамического равновесия.

Возвращаясь к работе С. Хантингтона, укажем выдвинутые им ключевые тезисы и рассмотрим, насколько подтвердились эти предположения:

1. Культурные/религиозные различия станут главным источником конфликтов после холодной войны (заменят идеологию и экономику).

2. Исламский мир будет особенно конфликтным из-за «кровавых границ» с другими цивилизациями.

3. Относительно Запада и остального мира – незападные культуры (исламская, конфуцианская) отвергнут западные ценности, что приведёт к напряжённости.

Действительно, мы наблюдаем рост межкультурных конфликтов. С 2001 года 68% всех войн происходили в странах с мусульманским большинством (согласно данным UCDP, 2023). 90% современных конфликтов — внутригосударственные, но часто с этнокультурной подоплёкой (Сирия, Мьянма, Эфиопия). Пример Сирии: война началась как политический протест, но быстро приобрела межконфессиональный характер (сунниты против алавитов). Другой пример – Карабах: армяно-азербайджанский конфликт, содержащий и религиозную компоненту. В подтверждение второго тезиса статистика 2014–2019 гг. показывает, что на долю исламистских группировок (ИГИЛ, Аль-Каида) пришлось 75% всех терактов в мире (согласно Global Terrorism Index). Но после 2020 года их активность снизилась на 40% из-за потери территорий в Сирии и Ираке. Важно отметить, что терроризм — не порождение «исламской цивилизации», а результат политических факторов (войны в Ираке, Афганистане, радикализация диаспор). Из положений Хантингтона, не нашедших подтверждение со временем, укажем, что возникающие конфликты наблюдаются не столько «между цивилизациями», сколько внутри них (например, уйгурский вопрос в Китае – это конфликт между светским государством и мусульманским меньшинством). Относительно роли Запада Хантингтон предрекал противостояние Запад–Ислам–Китай, но сейчас Китай избегает открытых столкновений, делая ставку на экономическую экспансию, а ЕС и США чаще воюют не с «цивилизациями», а с режимами (Садам Хусейн, Талибан). Также Хантингтон недооценил силу глобализированной культуры: мусульманские мигранты в Европе перени-

мают местные обычаи (мы слышим часто обороты типа «британец пакистанского происхождения»), а молодёжь в арабских странах активно пользуется TikTok и Netflix, что размывает жёсткие границы.

Исследования противоречий между глобальными экономическими изменениями и сохранением национальной идентичности предполагают применение более сложных моделей. Согласно Б. Барберу мир одновременно фрагментируется (распад стран) и интегрируется (глобальные сети). Глобализация создала новые линии разлома: не только город против деревни, но и элиты против народа. Конфликты стали сложнее и не укладываются в рамки «цивилизаций». По М Калдору конфликты ведутся через информацию, кибератаки, а не только с использованием оружия. Климатические конфликты — борьба за ресурсы (вода, нефть) часто важнее культурных различий, пример тому конфликты в Судане.

Современные конфликты гораздо сложнее «столкновения цивилизаций» и для сохранения устойчивой международной коммуникации необходимо, следуя Дж. Наю, соблюдать баланс между сохранением идентичности и адаптацией. Одними из центральных вопросов становятся анализ роли ИИ в межкультурной коммуникации и задача разработки механизмов цифрового управления, способных обеспечить сохранение культурной идентичности в условиях глобализованного медиапространства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сен А. Идея справедливости. М.: Изд-во Института Гайдара. 2016.
2. Inglehart R., Welzel C. *Modernization, Cultural Change, and Democracy*. 2005.
3. Guiso L., Sapienza P., Zingales L. Does Culture Affect Economic Outcomes? // *Journal of Economic Perspectives*. 2006. №20(2). P.23–48.
4. Huntington S. P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster, 1996.
5. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин; Сост. С. Г. Бочаров; Текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; Примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. — М.: Искусство, 1979.
6. J.Habermas. *Theorie des kommunikativen Handelns*. (Bd. 1: Handlungsrationality und gesellschaftliche Rationalisierung; Bd. 2: Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft.) — Frankfurt am Main, 1981.
7. Nye J. "Soft Power" // *Foreign Policy*. 1990. №8. P.153–171.

8. *Hofstede G.* Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations across Nations. Beverly Hills, CA: Sage, 2001.
9. *Hall E. T.* Beyond Culture. Garden City; New York: Anchor Press, 1976.
10. *Giddens A.* The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press. 1990.
11. *Hannerz U.* Transnational Connections: Culture, People, Places: Psychology Press, 1996.
12. *Schiller H. I.* Communication and Cultural Domination, New York: International Arts and Sciences Press. 1976.
13. *Appadurai A.* Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press., 1996.
14. *Музычук В.Ю.* Культура и экономика: существующие научные подходы к отражению взаимосвязи // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* 2022. №15(5). P.50-67. doi: 10.31249/kgf/2022.05.03

CULTURE AND ECONOMY: MUTUAL INFLUENCE IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION AND DIGITALIZATION

Farkova N.A.

Modern research increasingly shows that culture and economics do not exist in isolation, but form a complex system of mutual influences. If traditionally economists viewed culture as a "superstructure" (according to Marx), today its role is being rethought: from a factor explaining the "residual" differences in the development of countries to a key resource for innovation and sustainable growth. The article analyzes the main theoretical approaches to the study of the relationship between culture and economics.

РСА-АНАЛИЗ КАК МЕТОД ИЗМЕРЕНИЯ ДИНАМИКИ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ: ИДЕЯ И ПРАКТИКА

Комонов Е.О.

Цель исследования заключается в теоретическом анализе эволюции подходов к измерению глобализации посредством построения индексов, формирующих статистическую основу исследований, направленных на выявление зависимостей экономической динамики стран от процессов глобализации и деглобализации.

doi: 10.20537/mce2025econ13

Введение. Современный этап характеризуется интенсификацией деглобализационных процессов, фрагментацией мирового рынка и трансформацией глобальных цепочек добавленной стоимости, что может рассматриваться как проявление цикличности глобализации. В этом контексте индекс глобализации приобретает значение ключевого статистического инструмента для эмпирической проверки гипотезы циклического характера глобализационного процесса. Вопрос количественной оценки глобализации на мировом, региональном и национальном уровнях остаётся открытым, прежде всего в части методологического обоснования используемых подходов к измерению глобализационных и деглобализационных процессов.

В рамках настоящего исследования представлена эволюционная карта развития методологического аппарата измерения глобализации, а также проанализировано соответствие используемых расчётных моделей их теоретическим предпосылкам. В результате установлены существенные расхождения между заявленными теоретическими основами и практической реализацией расчётных моделей ключевых глобализационных индексов, что позволяет обосновать необходимость уточнения методик расчёта для повышения достоверности оценки процессов расширения, сжатия, ускорения и замедления глобализации, а также для их дальнейшего аналитического применения.

Анализ сходных метрик показал, что выявленные критические замечания в отношении методологической базы KOF Globalization Index [8] в значительной мере применимы и к другим существующим индексам,